

просила у брата хитон вместо подарка и берегла его до самой смерти. А перед смертью она наказала родителям своим похоронить ее в этом хитоне. Желание ее было исполнено, и вскоре от ее гроба выросло целебное дерево, источающее миро и дающее исцеление. И так продолжалось много лет. После крещения Грузии грузинские цари поставили над тем деревом церковь, где их погребали после смерти. Во время нашествия в Грузию шаха Аббаса церковь эта была разорена и дерево перестало источать чудеса. После изгнания иноплеменных грузины соорудили над деревом чашу, надеясь на возобновление чудес, но их не было больше.

Как видно, в этом рассказе есть все признаки письменной христианской легенды, относящейся к сказаниям «чудес от иконы»: из могилы вырастает дерево, источающее миро и дающее чудеса исцеления. По этому случаю, как повествует легенда, была поставлена церковь, учреждена митрополия, даже принято христианство. Общим для памятников такого жанра является и мотив нашествия иноплеменных — нашествие в Грузию шаха Аббаса, как и в других памятниках этого жанра.

Эта легенда сближается с сюжетом Сказания о чудотворной Казанской иконе: некая девочка увидела во сне икону, икону откопали, она стала совершать чудеса, потом икону водворили в храм.¹¹ Можно привести еще целый ряд подобных сравнений. К этому жанру сказаний относится легенда о животворящем кресте, введенная автором в содержание «Документального» сказания.

Вслед за рассказом о чудесном явлении иконы в сказаниях о чудесах повествуется обычно об утверждении праздника в ее честь, а затем излагаются отдельные рассказы о дальнейших ее чудесах. В «Документальном» сказании эти элементы также имеются: после исцеления болящих, как рассказывается в сказании, царь и патриарх назначили торжественное празднование 27 марта; здесь также приводится роспись 14 чудес исцеления, происшедших за неделю.

Роспись чудес, как и в сказаниях этого жанра, представляет собой отдельные законченные рассказы. Каждый из этих небольших по объему 14 рассказов является сюжетно самостоятельным. Все они построены по одной схеме (несчастье заставляет обратиться к ризе, и она дает избавление), меняются лишь имена действующих лиц: то это подьячий Посольского приказа Иван Зиновьев, то это костромские дьяки, то это четырехлетняя девочка и т. п. Роспись чудес исцеления, как и в сказаниях этого жанра, составлена при церкви по поручению царя и патриарха и должна была явиться основанием для почитания святыни. Но если в подобных сказаниях мы имеем пример художественной стилистической обработки документа в литературное произведение, то в «Документальном» сказании все ограничивалось лишь документами, подлинными свидетельствами, данными «комиссией» и потом включенными в текст сказания без дальнейшей обработки; отсюда сугубо деловая форма рассказов о чудесах — точная дата события, конкретные имена людей. Имеется здесь и другая особенность этого жанра: есть святыня (икона или, как в данном случае, риза) как материально существующая вещь. В тематике чудес «Документального» сказания риза — лишь исцелительница болезней, как например Абалацкая икона,¹² т. е., как и в других сказаниях этого жанра XVII в., происходит своего рода «измельчание» чудес. «Документальное» сказание обнаруживает связь со сказаниями этого жанра позднего происхождения, когда

¹¹ Сказание о чудотворной Казанской иконе. М., 1889.

¹² Е. К. Ромодановская. Русская литература в Сибири 1-й половины XVII века. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1968, стр. 15.